

Оригинал здесь -- <http://smalt.karelia.ru/~filolog/vremja/1861/MARCH/odinpost.htm>

Литературныя воспоминанія И. Панаева

Часть первая. Современникъ 1861. No 1 и 2

Теперь я ужъ ничему не удивляюсь.

И. Панаевъ (Лит. вос. стр. 190).

Когда въ 1859 году вышли *Литературныя и театральныя воспоминанія С. Аксакова*, "Современникъ" встрѣтилъ ихъ очень дурно. Судьба присудила мнѣ быть, между-прочимъ, прилежнымъ читателемъ русскихъ журналовъ; такъ что я читалъ и статью "Современника". Съ обыкновеннымъ тономъ высочайшаго высокомерія, съ неподражаемою сухостью и рѣзкостью осуждались *Воспоминанія Аксакова*. Рецензентъ утверждалъ, что авторъ знакомить насъ съ лицами и событіями, до которыхъ намъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Помню, съ особеннымъ упорствомъ рецензентъ остановился на описаніи нѣкотораго *уженья*. С. Аксаковъ имѣлъ неосторожность сказать, что одно изъ лицъ *Воспоминаній*, выудило щуку въ *столько-то фунтовъ*, положимъ въ четыре фунта. По этому поводу рецензентъ очень распространился. Онъ задавалъ себѣ и публикѣ многозначительные вопросы. Зачѣмъ намъ знать, говорилъ онъ, что *такой-то* любилъ удить рыбу? Кчему послужить свѣденіе, что онъ поймалъ щуку? Къ какой цѣли приведетъ познаніе, что эта щука, пойманная такого-то числа и такимъ-то лицомъ, вѣсила *четыре фунта*?

Вопросы трудные, и разрѣшеніе ихъ повело бы насъ очень далеко. Мы упомянули объ этой статьѣ только потому, что не прошло года послѣ нея, какъ въ первой книжкѣ "Современника" на 1860 г. явились *Воспоминанія о Бѣлинскомъ* г. Панаева, а теперь, въ первомъ же номерѣ "Современника" являются *Литературныя Воспоминанія* г. Ив. Панаева. Между-тѣмъ эти "Воспоминанія", хотя г. Панаевъ и нигдѣ не говоритъ о *низкихъ* предметахъ, въ родѣ *уженья* и *вѣса* пойманныхъ рыбъ, довольно слабы въ сравненіи съ *Воспоминаніями* Аксакова. Аксаковъ писалъ высоко художественно. Онъ оставилъ намъ драгоцѣнный памятникъ, гдѣ современныя ему лица схвачены во всей ихъ жизненности, гдѣ читатель знакомится съ ними лучше, чѣмъ можетъ быть познакомился бы, если бы встрѣчался съ ними на самомъ дѣлѣ. Г. Панаевъ знакомитъ насъ только съ *тѣнями*. Вы видите усилія, съ которыми онъ рисуетъ, и ясно видите, что эти усилія неудачны. "Современникъ" очевидно впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Замѣтимъ впрочемъ, что подобныя противорѣчія въ немъ очень обыкновенны. Вѣдь любимая страсть его -- *отрицать*. Отрицая сколько можно, все и всѣхъ, онъ *заотрицался* до того, что можно въ каждой книжкѣ его найти то, что противорѣчитъ его предыдущей книжкѣ. Но, такъ какъ "Современникъ", по справедливому замѣчанію многихъ, пишется ради *искусства для искусства*, то читатели, вполне насладившись предыдущею книжкою, съ такою жадностью принимаютъ за слѣдующую, что и не думаютъ вспоминать о томъ, что читатели прежде.

"Современнику", если онъ хотѣлъ оставаться вѣрнымъ своимъ началамъ, не слѣдовало бы помѣщать "Воспоминаній" г. Панаева. Но, *вообще говоря*, то есть судя не по узкой мѣркѣ "Современника", а чуть-чуть пошире, явленіе "Воспоминаній" есть дѣло вполне законное. Они годятся для первой книжки журнала, потомучто читаются съ большимъ интересомъ. Какъ слабо ни проявился бы въ нихъ талантъ г. Панаева, его выручаетъ то горячее любопытство, которое возбуждаетъ предметъ. Какъ ни мало питательныхъ крупицъ въ статьѣ г. Панаева, читатели съ жадностью прочтутъ ее, чтобы найти эти крупички.

Этотъ интересъ, это любопытство -- происходятъ оттого, что дѣло идетъ ни больше ни меньше, какъ о *внутренней исторіи нашей литературы*. Читатели -- знаетъ ли г. Панаевъ, что такое читатели? Читатели -- народъ, большею частью глубоко-идеальный. Обыкновенно, очень обыкновенно они видятъ въ сочиненіи гораздо больше, чѣмъ сказалъ или думалъ самъ авторъ. Простодушно обманываясь, они находятъ глубокую мудрость и восторгающую красоту тамъ, гдѣ нерѣдко и мудрость мелка и красота --